

— Мерзавец!

Голос, звучавший застораживающе и низко, был пропитан ледяным холодом. Даже в ругани не чувствовалось ни капли гнева. Цзимо Ци пошевелил коленями и послушно опустилсЯ на пол. Он не поднимал головы, но губы его плотно сжались в упрямую линию. Он не стал оправдываться, не стал просить прощения.

Позади слышались шаги. Медленные, размеренные, уверенные — они напоминали кошачью поступь, когда хищник играет с пойманной мышью, вызывая в душе невольный трепет.

Шаги затихли. Расстояние между рабочим столом и Цзимо Ци было невелико, но пропасть, пролежавшая между отцом и сыном, казалась непреодолимой, словно небо и земля.

На спину опустилась ладонь — холодная, твердая, точно лед. Тело Цзимо Ци невольно содрогнулось. Он уперся руками в пол, и капли пота, падая с его лба, снова зацвели на каменных плитах мелкими пятнами.

Мужская рука медленно скользила по спине юноши. Сквозь тонкую ткань одежды он чувствовал каждое движение, каждый трепет сына, держа всё под полным контролем.

— Ци-эр, ты недоволен тем, что отец наказал тебя вечером тридцатью ударами плетью?

Цзимо Ци резко поднял голову. Тьма в его глазах грозила вот-вот поглотить его целиком. Плечи едва заметно дернулись, и он вырвался из-под контроля статного мужчины, выпрямив спину.

— Сын не смеет!

Цзимо Хуань слегка изогнул тонкие губы. Глядя на упрямство, застывшее в уголках глаз и бровей юноши, на его болезненную бледность, придававшую ему столь жалкий и вызывающий жалость вид, он промелькнул странным блеском:

— Не смеешь, значит... но это не значит, что не имеешь претензий.

— Поэтому ты тайком избавился от приставленных к тебе стражников и остался в глуши? Поэтому, когда они тебя нашли, ты затаил обиду? И поэтому сейчас предстал передо мной в таком жалком виде? Ци-эр, я всегда считал, что ты не из тех пустоголовых бездельников, что не знают меры и вечно ищут повода для склок!

Вопросы Цзимо Хуаня лились, словно плавная, неспешная поэма. Несмотря на тихий тон, каждое слово отчетливо отпечатывалось в ушах Цзимо Ци. Ядовитые, жестокие речи, слетавшие с уст собственного отца.

Губы Цзимо Ци дрогнули. Он не специально пытался избавиться от стражи, не испытывал обиды... просто в глубине его сердца был уголок, о котором он не хотел говорить, от которого он стремился закрыться.

На губах Цзимо Хуаня заиграла насмешливая улыбка. Он подцепил пальцами острый подбородок юноши, заставляя его поднять лицо, и, глядя на стекающую струйку крови, почувствовал, как мрак в его глазах стал еще гуще.

— А если подумать, Ци-эр, ты ведь и впрямь становишься всё больше похож на драгоценный нефрит. Если бы мои люди не нашли тебя, боюсь, сейчас ты бы уже...

Он смотрел на утонченные черты лица юноши. В его взгляде читалась то ли ностальгия, то ли жгучая ненависть. Два пальца, сжимавшие подбородок Цзимо Ци, медленно усиливали давление. На безупречной, словно белый нефрит, коже проступили пугающие сине-фиолетовые пятна.

— Отец! Мое тело не в лучшем состоянии, позволь мне...

Цзимо Хуань перебил его:

— Что с тобой не так? Всего лишь тридцать ударов. А ведь только что, за воротами поместья, ты смог выколоть человеку глаза. Помню, тот стражник был из людей наложницы Мэй, не так ли? Ты был весьма бодр, надо признать!

Холодный, беспощадный, он совершенно не заботился о травмах Цзимо Ци.

— Отец, сын хочет навестить матушку...

Грудь Цзимо Ци тяжело вздымалась. Наконец, не сдержавшись, он ударил по сжимавшей его руке.

Раздался четкий, громкий хлопок. В глазах Цзимо Ци отразилось изумление — он ведь даже не вложил силы в этот удар. Прежде чем он успел что-либо произнести, его с силой пнули прямо в грудь, отбросив на пол.

— Угх...

Глухо протонав, он проехался поврежденной спиной по гладким мраморным плитам. От острой боли лицо Цзимо Хуаня на мгновение лишилось последних остатков крови.

Развернувшись, чтобы не касаться спиной пола, Цзимо Ци с трудом уперся одной рукой, пытаясь удержать шатающееся тело. В его глазах, полных непокорности, застыл вызов,

направленный прямо в холодные, бездушные очи отца.

Цзимо Хуань не спеша вытащил платок и принялся вытирать кончики пальцев — тщательно, старательно, словно испачкался в чем-то грязном. Белоснежный платок плавно опустился перед Цзимо Ци. Этот ослепительно белый цвет, казалось, затуманил его взор.

— Почему?

— А?

Словно не расслышав, Цзимо Хуань грациозно подошел к отброшенному им же сыну. Он возвышался над ним, глядя сверху вниз на гордого, не желающего сдаваться юношу.

— Почему? Отец, если вы требуете от меня следовать трем устоям и пяти добродетелям, почему вы сами так обращаетесь со мной?

Хриплый крик вобрал в себя года накопившейся обиды. Быть может, причиной тому была теплота, полученная сегодня от незнакомца, или необъяснимое душевное потрясение — Цзимо Ци больше не мог молчать.

Цзимо Хуань замер. Глядя на бурлящие чувства в глазах сына, он внезапно почувствовал полное безразличие и опустошенность.

— Спроси у своей матери!

В его голосе больше не было холодной безжалостности, не было и тени прежней отстраненности — теперь в нем отчетливо слышалась неприкрытая ненависть.

— Вон!

Это единственное слово было всем, что он мог предложить своему законному наследнику. Цзимо Ци, упершись руками в пол, поднялся. Прижимая руку к стесненной груди, словно не в силах вдохнуть, он сделал несколько шагов, шатаясь от слабости. Но у самых дверей он заставил себя выпрямиться, разгладил одежду, скрывая свой позорный вид, и, протянув руки, толкнул тяжелую дверь.

<http://bllate.org/book/21941/2279447>